

Научная статья
УДК 78.072.3"19"

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.59.4.04>

Международное сообщество музыковедов в период Второй мировой войны (по материалам эпистолярных источников 1940-х годов)

Жанна Викторовна Князева

Российский институт истории искусств,
190000 Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
jeanna.kniazeva@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Аннотация: Статья продолжает серию исследований по истории международного научного сотрудничества музыковедов в 1930-е — 1940-е годы. Раскол немецкой науки после 1933 года привел к образованию в профессиональных кругах враждующих групп. Общение представителей этих групп между собой прекратилось даже в рамках деятельности Международного музыковедческого общества (IMS), продолжившего свою работу и в годы Второй мировой войны. Усилиями ряда ученых, принявших на себя роль посредников, музыковедам удалось сохранить возможности международного обмена информацией (хотя и осуществлявшегося теперь, как правило, не прямым путем). А поскольку личные встречи были затруднены или вовсе невозможны, основной объем общения ушел в переписку. Изучение корреспонденции музыковедов военных лет, — и прежде всего, эпистолярного наследия столь крупных медиаторов мировой науки, как Кнуд Йеппесен (Дания), Ижини Англес (Испания), Жак Гандшин (Швейцария), — позволяет исследовать механизмы, благодаря которым наши предшественники и в годы потрясений смогли сохранить — пусть даже сильно сузившееся и внутренне трансформированное — единое интернациональное коммуникативное пространство музыкальной науки.

Ключевые слова: международные научные контакты музыковедов, Международное музыковедческое общество, Вторая мировая война, эпистолярные источники, Кнуд Йеппесен, Ижини Англес, Жак Гандшин

Для цитирования: Князева Ж. В. Международные научные контакты музыковедов в военный период (по материалам эпистолярных источников 1940-х годов) // Научный вестник Московской консерватории. Том 15. Выпуск 4 (декабрь 2024). С. 638–659. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.59.4.04>.

ART HISTORY AND THEORY

Research article

International Musicology during World War II (Based on Epistolary Sources of the 1940s)

Jeanna V. Kniazeva

Russian Institute of Art History,
5, Isaakiyevskaya Sq., St. Petersburg 190000 Russia
jeanna.kniazeva@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2192-8815>

Abstract: This article continues the series of studies on the history of international musicology in the 1930s and 1940s. The split in German musicology after 1933 led to the formation of warring groups within the professional community. Communication between

representatives of these groups ceased even in the activities of the International Musicological Society (IMS) who continued its work during the World War II. Thanks to the efforts of some neutral musicologists who have taken on the role of mediators, the international musicology has retained the possibility of exchanging information (usually, not directly). As in-person meetings were difficult or not possible at all, the most part of communication went into correspondence. The study of the correspondence of musicologists,—above all, the epistolary of such important mediators of international science as Knud Jeppesen (Denmark), Higiní Anglès (Spain), and Jacques Handschin (Switzerland),—reveals the mechanisms by which our predecessors preserved (even if in a reduced and internally transformed form) the integral communicative space of international science during the years of world turbulence.

Keywords: international musicology, International Musicological Society, World War II, epistolary sources, Knud Jeppesen, Higiní Anglès, Jacques Handschin

For citation: Kniazeva, Jeanna V. 2024. “International Musicology of the War Years (Based on Epistolary Sources of the 1940s).” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 15, no. 4 (December): 638–59. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.59.4.04>.

Предлагаемая статья продолжает исследование истории международного научного сотрудничества музыковедов в период 1930-х — 1940-х годов. Прежде всего речь идет о деятельности Международного музыковедческого общества (International Musicological Society [IMS]) и ряда конкретных его представителей. Не так давно автору этих строк довелось анализировать эпистолярный ученым, относящийся к ранним послевоенным годам [1; 2; 10]. Эти статьи посвящены громким событиям — первым после войны международным встречам музыковедов в Базеле 1948 и 1949 годов; речь идет о драматических обстоятельствах восстановления совместной работы по прошествии острого кризиса. Тогда встал вопрос, — а что было до этого? Как разразился и протекал сам кризис? Каким образом международное музыкознание работало и находило себя (если находило), погружившись в жесткую конфликтность собственно военного периода? Основу данного исследования (как и прежних статей) составил корпус эпистолярных источников — переписка музыковедов круга Жака Гандшина.

Работа с документами показала, что эпистолярная собственно военных лет сохранилось немного. Контакты были нарушены (по самым разным причинам), документы погибли в турбулентности войны. Те же источники, что дошли до нас, примечательным образом не слишком информативны: зачастую они посвящены сугубо локальным событиям, — обсуждению организационных или просто бытовых сюжетов, сложностей военного времени. Информативнее показывают себя наблюдения над эпистолярной сетью (то есть суммой документов, контактов, расположенных и рассмотренных как сеть), над ее «поведением», ее реакциями на травмирующие внешние обстоятельства, — своего рода «отпечатком» жизни научных кругов столь драматического периода. В данной статье речь пойдет как о линиях раскола эпистемного сообщества (сообщества ученых), так и о некоторых сквозных нитях, соединявших его непростую ткань.

МУЗЫКОВЕДЕНИЕ И ВОЙНА

Военные потрясения для международного музыковедческого сообщества начались уже в 1936 году: 18–25 апреля в Барселоне прошел Третий конгресс IMS, а уже 17 июля в Испании вспыхнула гражданская война. На барселонском конгрессе отчетливо проступили «швы», по каким совсем скоро разойдется, а по каким, напротив, стянется прежде единая ткань международной науки о музыке. Основным организационно-политическим вопросом для конгресса в Барселоне, как и вообще для международного музыковедческого социума после 1933 года, стал «немецкий вопрос», определивший новую расстановку фигур в профессиональном сообществе и возникновение групп внутри него.

Первая группа — эмигранты-беженцы из гитлеровской Германии. Немало ученых к весне 1936 года уже уехали из страны или планировали вскоре покинуть берега Рейна. Из корреспондентов, представленных в эпистолярной сети Гандшина, к этой группе относились Манфред Букофцер¹, Отто Гомбози², Лео Шраде³, Эгон Веллес⁴, Роберт Лахман⁵. Многие эмигрировали в Америку, кто-то в Англию или Иерусалим. Эти музыковеды являли собой жесткую оппозицию оставшимся в Германии и чувствовали себя жертвами режима.

Другая группа — те, кто остался в Германии. Они называли себя «Reichsdeutsche» — «немцы рейха», исследователи, которые так или иначе стали сотрудничать с новыми властями; некоторые делали это с энтузиазмом (порой не без удовольствия занимая места уехавших). Из персоналий исследуемой нами сети упомяну Хайнриха (Генриха) Бесселера (Heinrich Bessler, 1900–1969), идеологически активно проявившего себя, в частности, на конгрессе в Барселоне [26, 115–118; 5, 168]. Были и те, кто просто хотел продолжить научную деятельность и как-то приспособивался к внешним обстоятельствам: Эвальд Йаммерс⁶,

¹ Манфред Букофцер (Bukofzer, Manfred; 1910–1955) в 1936 году защитил диссертацию под руководством Гандшина, а затем уехал в США, где до конца своих дней работал в университете Калифорнии (Беркли). Подробнее о Букофцере и его непростых отношениях с Гандшиным см.: [5].

² Отто Гомбози (Gombosi, Otto; 1902–1955) защитился в Берлине у Й. Вольфа, с 1936 года работал у Гандшина в Базеле. В 1939 году он переехал в США. Подробнее об этом ученом см.: [23].

³ Лео Шраде (Schrade, Leo; 1903–1964) эмигрировал в США в 1938 году и работал в Йельском университете; подробнее о нем см.: [8, 45–47].

⁴ Музыковед-византолог и композитор Эгон Веллес (Wellesz, Egon; 1885–1974), ученик Г. Адлера и А. Шёнберга, в 1938 году эмигрировал в Англию и работал в Оксфорде.

⁵ Роберт Лахман (Lachmann, Robert; 1892–1939) — музыковед-этнолог, ориенталист и библиотекарь — покинул Берлин в 1935 году, переехав в Иерусалим; о нем, его исследованиях и научном диалоге с Гандшиным см.: [12].

⁶ Музыковед-медиевист и библиотекарь Эвальд Йаммерс (Яммерс; Jammers, Ewald; 1897–1981) в 1931–1945 годах руководил Музыкальным отделом Саксонской земельной библиотеки в Дрездене (Sächsische Landesbibliothek), с 1939 года — сотрудник Государственного института немецкого музыкознания в Берлине (Staatliches Institut für Deutsche Musikforschung). После войны (с 1953 года) Йаммерс будет руководить Отделом рукописей университетской библиотеки Гейдельберга. Подробнее о Йаммерсе см.: [https://saebi.isgv.de/biografie/Ewald_Jammers_\(1897-1981\)](https://saebi.isgv.de/biografie/Ewald_Jammers_(1897-1981)) (дата обращения: 12.09.2024).

Фридрих Геннрих⁷, Ханс Шпанке⁸, Отто Уршпрунг⁹.

Следует особо отметить, что именно в Германию еще в 1936 году бежал из Испании, от ужасов гражданской войны Ижини Англес (Higini Anglès; 1888–1969), — выдающийся музыковед-медиевист (главный организатор барселонского конгресса) и католический священник, жизнь которого оказалась в родной ему Каталонии под угрозой. Германия была для Англеса второй родиной: он здесь учился (а поэтому свободно владел языком) и как исследователь принадлежал этой традиции. Англес любил Германию и ее науку. Он нашел приют в одном из монастырей Мюнхена. Судя по имеющимся документам, ученый не высказывался в эти годы о политике. Он лишь непрестанно благодарил немецких коллег за гостеприимство и молился за спасение своего несчастного отечества [11, 51–53].

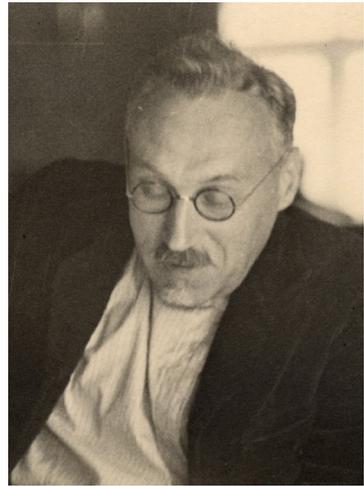
Две обозначенные группы ученых остро враждовали между собой. Вражда переходила на личности, а также на целые научные школы, ведь сторонников немецкой науки, Musikwissenschaft, порой автоматически относили к поклонникам нацизма. (Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.) Ученые-эмигранты впоследствии предъявят свой «счет» оппонентам на первом послевоенном конгрессе в Базеле 1949 года; ведь там, по словам современных нам исследователей, встретятся «не просто победители и побежденные, но преступники и их жертвы» [21, 335].

Третью группу составляли те исследователи, кто так или иначе был нейтрален (и, как правило, жил на нейтральной территории). Изучение эпистолярных источников показывает, что крупнейшие из них осознавали свою ответственность перед наукой и принципиально ориентировались на международное сотрудничество. Например, уже упомянутый выше Англес. Несмотря на бегство в Мюнхен, этот музыковед — все же нейтральная фигура:

Ижини Англес / Higiní Anglès (mid 1930s)

Источник / Reprinted from: [6, 60]

Жак Гандшин / Jacques Handschin (mid 1930s)

Источник / Reprinted from: [22, 213]

⁷ Воспитанник и апологет страсбургской музыковедческой школы Фридрих Геннрих (Gennrich, Friedrich; 1883–1967) с 1934 года работал в университете Франкфурта. О его неоднозначной позиции в годы войны см.: [11, 47 сн. 2].

⁸ Музыковед-медиевист, еще один воспитанник страсбургской школы музыкознания Ханс Шпанке (Spanke, Hans; 1884–1944) с 1911 года преподавал в университете Дуйсбурга. О его трагической судьбе см. ниже сн. 17.

⁹ Уршпрунг, Отто (Ursprung, Otto; 1879–1960) — музыковед и католический священник; в 1932–1949 годах сотрудник музыковедческого семинара Университета Мюнхена.

священник, умиротворитель, терпеливо ищущий примирения и компромисса. В 1938 году он вернулся из Мюнхена в (теперь франкистскую) Испанию, то есть далее был вне мировой войны. 1940-е годы стали периодом его активной работы: в 1943 году Англес возглавил в Барселоне институт музыкознания, а в международном пространстве он действовал как вице-президент IMS¹⁰.

Другой представитель группы нейтралов — Жак Гандшин. Он жил и работал в Швейцарии, где в немецкоязычном, международно-значимом Базеле руководил университетским музыковедением¹¹. С 1936 года Гандшин являлся членом Директории IMS.

Но важнейшая в рассматриваемой группе фигура — Кнуд Йеппесен (Еппесен; Knud Jeppesen, 1892–1974), датский музыковед-медиевист (ученик Г. Адлера, выдающийся специалист по творчеству Палестрины), композитор (ученик К. Нильсена) и органист¹². В 1932–1952 годах (то есть долгие двадцать лет) Йеппесен — главный редактор журнала *IMS Acta Musicologica*, ставшего одним из «узлов», удерживавших нити международного музыкознания в самый остро кризисный период¹³. До середины 1930-х годов (и даже позднее) именно на страницах *Acta* публиковали свои статьи многие исследователи, работавшие в международном поле. Йеппесен поддерживал контакт с ними всеми, ведь это были его авторы. Гигантский (без преувеличения) эпистолярный архив ученого — сокровище науки «эпохи разлома и воссоединения»¹⁴. Сразу после войны, в атмосфере множества тяжелейших межличностных конфликтов среди ученых Йеппесен станет на три года (1949–1952) президентом IMS, не прекращая при этом работы главным редактором *Acta*. То есть именно он возьмет на себя задачу по выведению международного музыкознания (по крайней мере, «в лице» его основной организации, Международного музыковедческого общества) из кризиса военных лет. В этом контексте Йеппесен предстает как один из крупнейших медиаторов интернационального

¹⁰ Об огромном, международно-значимом архиве Англеса, хранящемся в Национальной библиотеке Каталонии (Biblioteca de Catalunya [BC] см.: [11, 41 сн. 3–4]).

¹¹ О международном значении Базельского музыковедческого семинара тех лет см.: [5, 164].

¹² Йеппесен преподавал теорию музыки в Королевской музыкальной академии Дании. После войны, в 1946 году он станет первым профессором музыковедения в Орхусском университете, в 1950 году откроет и возглавит там институт музыкознания. На склоне лет ученый отойдет от организационной работы, уедет в Италию, где целиком посвятит себя изучению любимого Палестрины (и в 1962 году закончит первый полный каталог сочинений композитора). Подробнее о Йеппесене см.: [20].

¹³ Журнал *Acta Musicologica*, связанные с ним сюжеты в предвоенный и собственно военный период (например, перенос издания из Германии в Копенгаген в 1936 году, обусловленное этим изменение круга авторов, специфика работы журнала в оккупированной Дании и пр.) и их отражение в переписке ученых — тема отдельного исследования; тезисно оно было представлено в докладе автора этих строк 13.11.2023 на международной конференции «IV Орловские чтения» в РИИИ, Санкт-Петербург.

¹⁴ Об этом архиве и его современном изучении см.: [14]. Все цитируемые далее фрагменты из переписки Йеппесена с Гандшиным взяты из копий (сканов) документов, любезно пересланных мне профессором Томасом Хольме Хансеном (Thomas Holme Hansen; Орхусский университет), основным на сегодняшний день специалистом по эпистолярному наследию Йеппесена (и единственным исследователем, которому наследники ученого предоставили доступ к полному объему его эпистолярия). Приношу профессору Хольме Хансену искреннюю благодарность. (Пересланные им копии хранятся в моем личном архиве.)

музыковедения военного и раннего послевоенного периода. (Преобразуя известный управленческий термин, его можно назвать «кризисным медиатором».)

Международные события в жизни научного музыковедческого сообщества последних предвоенных и собственно военных лет, по понятным причинам, немногочисленны. После Барселоны 1936 года состоялся еще международный конгресс в Нью-Йорке осенью 1939 года¹⁵. На нем прошла последняя волна эмиграции. (Так, Отто Гомбози приехал на конгресс и уже не вернулся в Европу.) А дальше — война.

Изучение писем показывает реалии времени. Передвижения внутри Западной Европы все более затруднены, визы получить сложно, въехать даже в нейтральную Швейцарию крайне проблематично. В письме Йеппесену от 5 октября 1943 года Гандшин сетует, что и выехать из Швейцарии, например, в любимый им Париж или в Данию нелегко. Другие пути контактов также затруднены: почта работает все хуже, телеграф функционирует далеко не везде. Международную научную работу, к тому же, безмерно затрудняют ссоры музыковедов друг с другом.

А вскоре приходят и собственно военные проблемы. В Германии к упомянутым трудностям коммуникации добавляются налеты, бомбежки, стремительно растущий дефицит продовольствия. У науки же свои катастрофы, — почти полная гибель научной инфраструктуры: не работает библиотечный обмен, затруднен (а для многих и невозможен) доступ к архивным источникам. Гибнут документы. Но гибнут и люди. Сразу после войны, когда связи едва начнут восстанавливаться, ученые будут посылать друг другу горестные «отчеты» о потерях — сообщать, кто жив, кто нет, кто где и в какой ситуации находится. Так, 10 февраля 1946 года Гандшин писал Англесу:

...Гурлитт, который снова занял свой пост во Фрайбурге, был недавно на пару недель в Базеле¹⁶. Но уже ранее я знал из одного письма Бесселера, что Шпанке погиб во время налета¹⁷. По словам Гурлитта, Бесселер пока в неопределенном состоянии, не освобожден окончательно (от обвинений в сотрудничестве с нацистами. — Ж. К.). А вот Мюллер-Блаттау¹⁸ и еще некоторые,

Кнуд Йеппесен / Knud Jeppesen (1952)

Источник / Reprinted from: Alchetron.
Free Social Encyclopedia for the World
<https://alchetron.com/Knud-Jeppesen>

¹⁵ Подробнее о международном музыковедческом конгрессе 1939 года в США см.: [9].

¹⁶ Виллибальд Гурлитт (Gurlitt, Willibald; 1889–1963) переживал в годы войны трудные времена: с 1920 года он преподавал в университете Фрайбурга, однако, в 1937 году, имея еврейское происхождение, потерял работу и, как пишет Поттер, «по-человечески был сломлен» [26, 140]. После войны ученый вернулся в университет (о чем и сообщает Англесу Гандшин).

¹⁷ Ханс Шпанке (о нем см. выше, сн. 8) погиб в 1944 году во время авианалета на Дуйсбург. Вместе с ученым погибли его библиотека и архив.

¹⁸ Воспитанник страсбургской музыковедческой школы, позднее ученик В. Гурлитта, а затем его гонитель Йозеф Мюллер-Блаттау (Müller-Blattau, Joseph; 1895–1976) в период нацизма был полон энтузиазма и профессионально крайне активен; о нем (и целом ряде ему подобных) см.: [26, 140–141, 263–265, 318–319; 24].

точно Корте¹⁹, полностью освобождены, что жаль. Блюме²⁰ еще в Киле. Феллерер²¹ написал мне, что он в Дюнкерке, депо 13, лагерь 3, номер 624880, военнопленный (!); его семья, к счастью, жива. Институт Гурлитта полностью разрушен, но университетская библиотека во Фрайбурге цела. Меркер²² погиб на войне, Биртнер²³ тоже. Беккинг²⁴, говорят, убит чехами...²⁵

В годы войны международное научное сообщество разобщено, фрагментировано, профессиональные круги полны враждой. Характерно, однако, что при этом даже самые ярые оппоненты, лично не выносившие друг друга, желали продолжения международной деятельности и интернациональных контактов. (Вот только представления о работе международной науки у них были конфликтно-различными²⁶.) Сложное сочетание раздробленности и связности характеризует жизнь научных кругов этого периода. А поскольку личные встречи стали проблематичны или даже невозможны, большой объем общения ушел в переписку. Именно переписка, взятая как сумма множества диалогов, отразила наличие или разрыв связей в некогда единой коммуникативной ткани профессионального сообщества²⁷.

¹⁹ Вернер Корте (Korte, Werner; 1906–1982) — музыковед, политический единомышленник Й. Мюллера-Блаттау; см. о нем: [26, 247–248, 311].

²⁰ Фридрих Блюме (Blume, Friedrich; 1893–1975) с 1933 года работал в университете Килия (с 1939 года руководил там музыковедением), а с 1935 года был сотрудником Государственного института немецкого музыковедения (Staatliches Institut für deutsche Musikforschung), где в 1942/1943 годах принял на себя обязанности главного редактора задуманной тогда энциклопедии «Die Musik in Geschichte und Gegenwart». (Блюме исполнял эти обязанности вплоть до 1968 года). О сложной роли Блюме в немецком музыковедении «коричневых времен» см.: [26, 108–112]; см. также энциклопедические статьи: [15; 25].

²¹ Карл Густав Феллерер (Fellerer, Karl Gustav; 1902–1984) с 1939 года руководил музыковедческим институтом в Кёльне. Феллерер был близок национал-социалистам (член NSDAP с 1940 года); с 1943 года служил на фронте и в 1945 году попал в плен американцам. С 1947 года он снова в Кёльне. См.: [26, 80–81, 158–159].

²² О музыковед из Фрайбурга Бруно Меркере (Maerker, Bruno; 1892–1942) удалось найти лишь краткое упоминание на справочном портале: <https://gepris-historisch.dfg.de/person/5107660> (дата обращения 13.09.2024).

²³ По данным портала «Hessische Biographie» музыковед Герберт Биртнер (Birtner, Herbert; 1900–1942) основатель Collegium musicum в Марбурге, погиб в сентябре 1942 года под Воронежем (<https://www.lagis-hessen.de/pnd/106727619X>; 13.09.2024). См. также: [26, 128, 156].

²⁴ Музыковед Густав Беккинг (Becking, Gustav; 1894–1945) работал в Эрлангене, затем в университете Праги. По данным Википедии (https://de.wikipedia.org/wiki/Gustav_Becking; дата обращения 20.09.2024), ссылающейся на защищенную в 2007 году диссертацию Р. Зибя [27], Г. Беккинг погиб 9 мая 1945 года в Праге как участник бригад фольксштурма.

²⁵ Handschin — Anglès, 10.02.1946. Handschin Nachlass, Würzburg [HN], В 1/21.

²⁶ Подробнее об этом (на материале предвоенного периода, включая конгресс в Барселоне) см.: [26, 115–119].

²⁷ Изучение целостной (т. е. «большой», полицентричной) сети переписки музыковедов 1930-х — 1940-х (и далее) годов находится сейчас в первоначальной (ее еще можно назвать «позитивистской») стадии сбора и систематизации источников. Исследователи из ряда университетов работают над проектами по изучению эпистолярного наследия отдельных ученых: Йеплесена (в Орхусском университете, Дания), Англеса (в университете Вюрцбурга, Германия), Фиккера (в университетах Иннсбрука, Австрия и Оксфорда, Великобритания), Бесселера (в университете Тюбингена, Германия), Гандшина (в РИИИ, Санкт-Петербург, Россия). С 2018 года встречи и обсуждения текущих задач, обмен информацией и координация действий регулярно проходят на платформе международной исследовательской группы

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БОЛТОВНЯ» И ДРАГОЦЕННАЯ «ВАЛЮТА» ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Военные обстоятельства затруднили, конечно, работу почты, однако не отменили ее полностью: пусть и со многими проблемами, но между союзническими и нейтральными странами шел обмен корреспонденцией. Изучение документов показывает, что эпистолярная сеть военного периода сжалась (кто-то просто вышел из общения, кто-то эмигрировал и прервал переписку, а кто-то умер или погиб), а обсуждаемые в письмах темы, как правило, касаются разного рода местных событий.

Из нелокальных тем обсуждения самая распространенная и устойчивая — просьбы о копиях манускриптов или информации, где их найти, то есть стремление взаимопомощью компенсировать недоступность архивных источников. Ведь основная работа музыковедов-медиевистов (а именно они более всего представлены в исследуемом нами корпусе источников) — анализ старинных рукописей, эти ученые полностью зависимы от архивов и библиотек. А те в военный период нередко труднодоступны или же вовсе закрыты. При этом все исследователи знают, что до войны каждый из них работал, делал копии, а некоторые даже и теперь куда-либо выезжают, пусть и в пределах ограниченных войной возможностей. Так, 25 июня 1943 года Гандшин пишет Йеппесену:

...А под конец еще немного профессиональной болтовни. Меня интересует Кодекс графа Пасси в Брешиа, который Вы упоминаете <...> У Вас — простите за нескромный вопрос — есть его фотокопии?

«Профессиональная болтовня» (нем. *Fachsimpelei*) — то, чего много, что делают все (хотя для вежливости Гандшин и извиняется за свою столь прямую просьбу). Другой раз, в самом первом после войны письме Англесу он сообщает: «Бесселер просил меня достать ему фотографии из Парижа (что возможно) и из Флоренции (что невозможно)»²⁸. Таким образом Гандшин передает просьбу коллеги, которую сам не в состоянии исполнить, но словно бы спрашивает: а может у Англеса есть контакты с Флоренцией, и он сможет посодействовать? Взаимная научная помощь становится в годы войны самой драгоценной валютой для ученых:

Я надеюсь скоро поехать во Фрайбург-ин-Брайсгау и посмотреть там. Буду рад достать Вам все, что Вам нужно, и если валюта затруднит вас, то, пожалуйста, не беспокойтесь об этом; но если Вы все-таки беспокоитесь, то мы можем обменяться фотографиями. Например, я буду очень рад получить пленки с записями Ваших тропарей и пр. (подчеркнуто автором. — Ж. К.)²⁹.

Обмен копиями или информацией об источниках — иллюстрация тому, как эпистолярная сеть выступала в роли информационного поля (транслировавшего запросы и данные сразу по многим направлениям) и содействовала исследовательской работе в период, когда иные возможности оказались закрыты.

Другая тема переписки, связавшая между собой многих исследователей из самых разных стран, — работа упомянутого выше журнала *IMS Acta Musicologica*

по истории IMS (Study group «History of the IMS»): <https://www.musicology.org/networks/sg/history-of-the-ims> (дата обращения 15.09.2024).

²⁸ Handschin — Anglès, 10.02.1946. HN.

²⁹ Handschin — Anglès, 11.02.1940. HN.

под руководством К. Йеппесена. И хотя немцам, живущим в Германии, сотрудничество с *Acta* было фактически запрещено (поскольку IMS объединяло в своих рядах множество эмигрантов, а его президентом был антифашист Эдвард Дент из Кембриджа [26, 119]), журнал продолжал аккумулировать вокруг себя интересы широких внегерманских кругов интернационального музыковедческого сообщества. Обсуждения текущей работы *Acta* — корректуры, рецензии, темы и сроки будущих публикаций и пр. — наполняют переписку исследователей этих лет.

Если взглянуть на структуру эпистолярной сети, нетрудно заметить произошедшие в ней с началом войны изменения. Помимо упомянутого (понятного и неизбежного в военный период) сокращения, сеть внутренне локализуется, — сжимается вокруг центров. В роли таковых выступают либо институции (университеты, институты, семинары, — те из них, что продолжили работу), либо значимые персоны — ученые международного значения, с возможностями интернациональных контактов (и, как правило, с нейтральной позицией). Но при этом сеть хранит своеобразную, специфически присущую ей целостность: ведь в ней по-прежнему присутствуют *все* исследователи³⁰, и все они так или иначе знают об этом. (Кто-то прервал контакты между собой, но другие не прервали, и это известно прочим.) То есть в едином пространстве (поле) представлены как единомышленники, так и те, кто по разным причинам между собой более не общаются. Поле сохраняет возможность получения информации (пусть косвенной: через третьих, четвертых и т. д. лиц). В результате границы внутри сети одновременно конфликтно-жестки (в противостоянии оппонирующих групп) — и размыты (микшированы действием единого поля).

Например, все пишут Англесу. Он — выдающийся специалист по испанскому Средневековью, пользуется огромным авторитетом в профессиональных кругах. При этом Англес, как мы уже отмечали, — воспитанник немецкой школы, он превыше всего ставит немецкую науку и как ученых предпочитает ее представителей. Германские немцы широко контактируют с ним, в том числе в годы войны: его архив хранит огромную переписку с Бесселером (с ним Англеса связывала искренняя многолетняя дружба), есть письма от Блюме, Шпанке и др. Однако и их оппоненты тоже охотно пишут Англесу, — ведь он вице-президент IMS, давно и плодотворно сотрудничает с президентом Дентом (их разногласия касаются, главным образом, понимания науки). К тому же, всем известно (по меньшей мере с барселонского конгресса 1936 года), что Англес активно выступает за международное сотрудничество, всемерно поддерживает интернациональную науку. Этот ученый — одна из центральных фигур международного музыкознания 1930-х — 1940-х годов.

О Йеппесене речь уже шла выше. Обратимся теперь к эпистолярному наследию Гандшина. Изучение этих документов позволяет «приблизить взгляд»: пристальнее рассмотреть структуру, само «действие» эпистолярной сети в исследуемый период.

³⁰ Под «все» в данном случае имеются в виду западные музыковеды. Советский сегмент, судя по доступным анализу документам, был надежно отрезан от общей сети. Никаких свидетельств переписки 1940-х годов и позже даже у Гандшина (который, по всей видимости, вплоть до конца 1930-х годов поддерживал контакты с коллегами в Ленинграде) пока не обнаружено. Возможно, предстоящее изучение адресных книжек ученого (хранящихся в его архиве в Вюрцбурге) прольет на этот вопрос некоторый свет.

ЖАК ГАНДШИН КАК МЕДИАТОР ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ

Из пятидесяти выявленных на сегодняшний день корреспонденций ученого лишь около полутора десятков содержит письма военных лет. Сам Гандшин, описывая в 1943 году драматическое сокращение своих контактов, писал Уршпрунгу: «Из коллег за пределами Германии я на связи только с Англесом, Йеппесеном и Мобергом...»³¹.

Изучение документов показывает, что круг корреспондентов Гандшина был все же несколько шире. Наиболее объемно в нем представлен «местный» участок — переписка со швейцарскими коллегами, то есть теми, кто живет неподалеку, куда точно доходит почта, и кого при необходимости можно и лично повидать. Здесь, на ограниченной территории, продолжается обмен идеями, обсуждение научных и музыкальных событий. Для Гандшина это тем более важно, что именно в 1940-е годы он завершал работу над монографиями: в 1942 году вышло его исследование церемониала при дворе императора Константина («Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins <...>» [16]), а сразу после войны, в 1948 году, книги «Введение в психологию звука» («Der Toncharakter <...>» [17]) и «Обзор истории музыки» («Musikgeschichte im Überblick» [18]). В ближнем кругу эпистолярного общения Гандшина этого периода — базельские коллеги: дирижер и музыковед Пауль Захер³², историк литературы Вальтер Мушг³³, немецко-швейцарский историк-медиевист Вольфрам фон ден Штайнен³⁴. Чуть дальше, но тоже в Швейцарии работали коллеги-музыковеды Антуан-Элизе Шербюлье³⁵

³¹ Handschin — Ursprung, 25.06.1943. Bayerische Nationalbibliothek (München), Nachlass Otto Ursprung (Ana 343), Briefe an Ursprung. (BNB, Ana 343).

³² О Пауле Захере и истории его общения с Гандшиным см.: [5, 165–167].

³³ Вальтер Мушг (Muschg Walter; 1898–1965) в 1935–1965 годах преподавал современную немецкую литературу в университете Базеля (и по свидетельству учеников, стал первым, кто в немецкоязычном университете посвятил целый семестр исключительно творчеству Кафки [29, 232]. Два письма Гандшина Мушгу (1942 и 1953 годов) хранятся в Базельской университетской библиотеке (Universitätsbibliothek Basel [UBB]) (Nachlass W. Muschg. F 11, 29–30) и касаются текущих университетских дел.

³⁴ Вольфрам фон ден Штайнен (Steinen, von den, Wolfram; 1892–1967) с 1938 года преподавал в университете Базеля историко-научное и общую историю Средневековья. В архиве ученого хранятся два письма Гандшина от 27 июня и 27 сентября 1944 года (UBB. NL 85, Von den Steinen. I, 13). Еще одно письмо (от 06.05.1934) обозначено в каталоге шифром I, 15a, однако в 2016 году по запросу, поданному автором этих строк, сотрудники библиотеки не обнаружили документ на месте. В имеющихся документах 1944 года отражен фрагмент диалога ученых, где речь идет о секвенциях Ноткера.

³⁵ Антуан-Элизе Шербюлье (Cherbuliez, Antoine-Elisée; 1888–1964) — швейцарский музыковед, органист и инженер; ученик А. Швейцера (по органу) и М. Регера (по композиции). Он преподавал в Цюрихском университете и в Цюрихской Высшей технической школе. Письма Гандшина (за 1937, 1944–1948 годы) хранятся в Архиве Шербюлье (Zentralbibliothek Zürich. Cherbuliez 2.64); они касаются организационных дел (встреч), а также выступления Гандшина на одной из конференций в Цюрихе с докладом «Качество и количество в музыке» («Qualität und Quantität in der Musik»), исследованием, входившим в круг подготовки его книги «Der Toncharakter <...>».

(в Цюрихе), Ханс Кайзер³⁶ (в Берне). А в Женеве жил знаменитый дирижер Эрнест Ансерме³⁷.

Выходившие за пределы Швейцарии (то есть собственно международные) контакты Гандшин, как мог, поддерживал не только по почте: он совершал поездки, насколько позволяли обстоятельства военного времени. Из писем и отдельных реплик в публикациях мы узнаем, что в 1942 году ученый посетил Ригу (и навестил там старых петербургских друзей), до осени этого года регулярно бывал в Ницце (где еще перед войной приобрел небольшой дом) и оттуда, по всей видимости, выезжал в Париж. Однако с ноября 1942 года (когда Германия оккупировала всю территорию Франции) граница оказалась закрыта, и контакты, даже почтовые, с Парижем прерваны. «Поехать в Париж мне невозможно, потому что очень трудно получить визу <...>. Переписываться с Францией мы отсюда тоже не можем. И мой дом в Ницце я, наверное, не увижу до конца войны», — жаловался Гандшин Йеппесену (письмо от 13 мая 1943 года).

Подобная изоляция от крупных культурных и научных центров досадна ученому: «Поскольку в Швейцарии маленькие библиотеки, я уже давно испытываю острую потребность в работе с более крупными собраниями» (письмо от 21 января 1943 года). Он всеми силами стремится преодолеть эту разделенность. И если в любимый им Париж более нельзя, он едет, куда можно. А можно в Германию. И Гандшин собирается туда осенью 1943 года — «поработать в библиотеках»³⁸.

В кругу международной переписки Гандшина военного периода на первом месте тоже германские немцы. И дело здесь не только в работе почты или возможностях пересечения границы. Как и Англес, Гандшин опирается на немецкую научную мысль, на Musikwissenschaft. Англоязычное музыковедение этого периода и ему тоже малоинтересно. Проведенные исследования показали, что события послевоенного будущего изменят эту картину (см.: [8]). Но пока, в военные годы, подлинная наука для Гандшина — это немецкая школа. Задержимся немного, дабы прокомментировать крайне деликатный вопрос о смещении науки и политики, столь легко происходящем в военные годы.

³⁶ Ханс Кайзер (Kayser, Hans; 1891–1964) — немецко-швейцарский музыковед-теоретик, основавший собственное учение о гармонии; он был в контакте с П. Клее и П. Хиндемитом. Переписка с Гандшиным (за период 1935–1946 годов) хранится в архиве Х. Кайзера в Берне (Schweizerisc hes Literaturarchiv, Nachlass Hans Kayser. Vox 61) и касается вопросов теории музыки, близких Гандшину, который в этот период работал над монографией «Der Toncharakter <...>».

³⁷ Письмо Гандшина от 4 апреля 1944 года и визитная карточка (с указанием его нового адреса) — единственные на сегодняшний день обнаруженные следы общения Гандшина с Эрнестом Ансерме (Ansermet, Ernest; 1883–1969). Документы хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Женевы (Bibliothèques de Genève. Ms. Mus. 183, f. 262–264). Они достойны отдельной публикации (которую автор этих строк надеется осуществить в будущем); здесь упомяну лишь, что речь в письме (среди прочего) идет о русской музыке: упомянуты Артур Лурье, а также некое, уже состоявшееся исполнение «Петрушки» Стравинского под управлением Ансерме и возможная работа дирижера с одной из партитур Федора Акименко.

³⁸ Handschin — Moberg, 20.06.43. Uppsala University Library, Special Collections. Collection C. A. Moberg. [UUL SC, CAM].

Опора на немецкую научную традицию плюс сложный характер (порождавший конфликты и плодивший недоброжелателей) привели в случае Гандшина к обвинениям ученого в симпатиях к нацизму. (Однако такова была не только его участь, ведь даже ангельского нрава служитель божий Англес не избежал подобных подозрений — см.: [11, 54 сн. 1]). Следы такого рода разговоров мы находим в переписке третьих лиц, например, в недатированной реплике Веллеса о Гандшине и его ученике Х. Хуссмани, где он именует их «эти сторонники нацизма» (и продолжает: «[они] — бесчестные люди») ³⁹. Тень над именем Гандшина дожила до наших дней, и даже столь проникательная и компетентная исследовательница, как Х. Циммерманн, задает по сути тот же вопрос: не поддался ли ученый «коричневым» веяниям эпохи? [4, 78–79]. Отмечу сразу: в письмах Гандшина действительно есть реплики, словно бы подтверждающие такого рода склонности: «Стоит признать, что в сфере политики немцы многое сделали верно <...>», — писал он, например, Англесу ⁴⁰. Но чтобы судить о смысле подобного рода реплик, следует принять во внимание историю личностного становления и глубинную мотивацию ученого. Ведь он — убежденный государственник (еще с давних времен российской юности), политика крупной государственности близка ему. Поэтому деятельность, направленную на восстановление такой государственности — в Германии 1930-х, как и ранее, в России рубежа 1920-х годов — он приветствует. В после-революционном Петрограде это привело Гандшина к сотрудничеству с Наркомпросом, поскольку он усматривал в его деятельности перспективы отнюдь не иллюзорные (см.: [3, 46–55]). И теперь, в цитированной выше реплике Бесселеру Гандшин пишет о том же: о восстановлении порушенной прежде государственности. Однако наука — совсем иное дело. Здесь, при всей любви к немецкоязычной научной традиции, как раз ее современный (то есть 1930-х — 1940-х годов) германский вариант Гандшин не принимает: это для него недопустимо-размашистая, тенденциозная политизированная гуманитаристика ⁴¹. Среди коллег-музыковедов были те, кто его понимал, и например, Йеппесен еще до войны уверенно писал Денту: «Гандшин — не нацист» [1, 765].

Но вернемся к эпистолярному ученого. Из корреспонденции военного периода сохранились фрагменты его переписки с немецкими коллегами Х. Бесселером ⁴², О. Уршпрунгом ⁴³, Х. Шпанке ⁴⁴. Основные темы здесь — текущие научные и ор-

³⁹ Wellesz — Abraham. [Ohne Datum]. Österreichische Nationalbibliothek (Wien), Wellesz Nachlass [ÖNB WN]. Nr. 2188.

⁴⁰ Handschin — Anglès, 13.10.1936. HN, BC.

⁴¹ Анализу взаимоотношений Гандшина с современной ему немецкой гуманитарной наукой посвящены развернутые фрагменты статей: [13, 90–104], [5, 175–177].

⁴² Полная (сохранившаяся) коллекция переписки Гандшина с Бесселером недавно издана: [19].

⁴³ Об О. Уршпрунге см. выше сн. 9. Переписка Уршпрунга с Гандшиным (14 писем за 1925–1946 годы) хранится в архиве Уршпрунга в Отделе рукописей Баварской национальной библиотеки (Мюнхен) (см. выше сн. 31).

⁴⁴ Письма Шпанке Гандшину (51 письмо за 1928–1940 годы) хранятся в архиве Гандшина: HN, C2 /4.

ганизационные дела, личные контакты. Например, в 1943 году Гандшин планировал встречу с Блюме в Швейцарии: «Я думаю <...>, что Блюме, если приедет в Швейцарию, поинтересуется моим мнением по некоторым вопросам», — сообщал он Йеппесену (письмо от 21 января); возможно речь идет об обсуждении энциклопедии «Die Musik in Geschichte und Gegenwart», работа над которой именно тогда начиналась и для которой позднее Гандшин напишет ряд статей. Как пишет ученый, в начале того же 1943 года он хотел принять участие в одном из заседании берлинского Института немецкого музыкознания (что, однако, не получилось из-за визовых проблем [ibid.]).

В переписке военных лет с немцами, живущими в Германии, Гандшин занят профессиональными вопросами. «Идейно-политические» мотивы музыковеды обсуждали ранее; напомним эмоциональные реплики из их диалогов конца 1930-х годов (которые мне уже доводилось прежде цитировать [6, 78–79]):

<...> Но только зачем в области гуманитарных наук такое бесконечное подчеркивание всего немецкого, будто бы оно особенно интересно и существенно? Как много интересного и существенного можно почерпнуть как раз из истории романских народов именно в плане их большего отличия! (письмо Бесселеру, между 30 марта и 6 мая 1937 года [19, 83–84]).

Отзвуки этих дискуссий звучали тогда и в переписке с Англесом:

Бесселер очень зовет меня в Берлин; но мне не хочется; этот «экстремист на оборот» мне тоже не симпатичен; даже в науке будто бы только германское важно и интересно <...>⁴⁵.

С началом войны коллеги держатся осторожнее и избегают прямых политических высказываний, уходят от возможных столкновений. Да и потрясение происходящим в мире, по-видимому, вытесняет всякое желание дискутировать о политике.

Нейтральные ученые в кругу корреспондентов Гандшина — это (названные им самим в цитированном выше письме Уршпрунгу) представители IMS: К. А. Моберг (профессор Упсальского университета, член редколлегии журнала *Acta Musicologica*, в недавнем прошлом — ученик Гандшина⁴⁶), тот же Англес (он пишет Гандшину до октября 1942 года, а затем следует пауза до начала 1946 года). И конечно, Йеппесен⁴⁷. Основная тема этих писем та же, что и в переписке с немцами, — текущая научная работа: обмен информацией и новейшими публикациями (в том числе собственными, ведь в годы войны далеко не все новые издания доходили за границу). Переписка Гандшина

⁴⁵ Handschin — Anglès, 12.01.1937. HN.

⁴⁶ О К. А. Моберге подробнее см.: [4, 72–73]. Уточню приведенные в этой публикации архивные данные: в начале 2020-х годов Архив города Упсалы (Uppsala Stadsarchiv) передал переписку Моберга с Гандшиным в Библиотеку Упсальского университета (UUL SC, CAM).

⁴⁷ Переписка с Йеппесеном этих лет — самая активная и хорошо сохранившаяся среди эпистолярия Гандшина военного периода: это 36 писем, датированных с ноября 1939 по июль 1946 года (с пробелом в 1945 году, который полностью отсутствует в копиях, пересланных мне профессором Т. Хольме Хансенем). Очевидно, почта между нейтральной Швейцарией и оккупированной Данией работала хорошо.

с коллегами-эмигрантами за военный период пока не обнаружена⁴⁸. Но из других корреспонденций мы знаем, что ученый не терял их из вида, — судьбы уехавших учеников и знакомых были небезразличны ему, и он делился поступавшей к нему (в том числе и через третьих лиц) информацией. («...У Букофера в Нью-Йорке дела идут неплохо, потому что он вовремя приехал, а вот эмигрантам, которые там с конгресса⁴⁹, труднее <...>», — например, сообщал он Мобергу⁵⁰.)

Подобная, — негромкая, без столкновений, словно направленная «внутрь себя» — работа эпистолярной сети выполняла тогда важную скрепляющую функцию: она удерживала в едином пространстве множественность нитей исследовательского сообщества, соединяло его локальные (и локализованные мировым военным кризисом) сегменты. К тому же, концентрируя внимание на текущих исследовательских задачах, переписка по-своему «отвлекала» от войны, несла ученым ощущение хотя бы условной стабильности, относительной «нормальности» их повседневной жизни.

Судя по материалам исследуемого корпуса документов, такая картина сохранялась вплоть до весны-лета 1945 года. А затем последовал «взрыв»: как только международная почта смогла восстановить хотя бы относительно стабильную работу (а судя по документам, это произошло в конце 1945 — начале 1946 года), шквал корреспонденции буквально накрыл научные круги, прорвав барьеры прежней вынужденной сдержанности.

В эти первые послевоенные месяцы все пишут всем, кому только могут, — выясняют и оплакивают потери, восстанавливают прежние контакты, ищут новых. Анализ эпистолярного потока показывает, что данная вспышка (помимо принесенного ею пика ситуативной информативности) ярко высветила саму сетевую структуру: и прежде важные нейтральные фигуры — «узлы» пересечения множества нитей (столь необходимые в годы всеобщего раскола) — превратились теперь в подлинные международные «центры передачи информации». А оповещение ученых (пусть даже самое краткое, пунктирное, порой почти «точечное») о положении и состоянии тех коллег, с кем утрачена связь, стало преобладающим эпистолярным жанром.

Гандшин, наряду с Англесом, Йеппесеном и др., — один из таких «центров». Он получает письма из США (по его собственным словам, от Шраде, Риза и Букоффера) с рассказом о том, что происходит за океаном — и передает Англесу: «у них там много, очень много делается <...>» [8, 69]), уже в 1946 году восстанавливает контакт с немцами Геннрихом⁵¹ и Йаммерсом⁵², а также с живущим в Англии Веллесом. Ученый пишет «отчеты» Англесу

⁴⁸ Есть устные свидетельства (в беседах автора этих строк со швейцарскими коллегами) о переписке военных лет с Букофером. Однако сегодня эта коллекция хранится в частных руках и недоступна исследованию.

⁴⁹ Имеется в виду упомянутый выше (сн. 15) международный конгресс в Нью-Йорке 1939 года. Под эмигрантами, вероятно, Гандшин подразумевает Отто Гомбози (см.: [23]).

⁵⁰ Handschin — Moberg, 20.02.40. [UUL SC, CAM].

⁵¹ О Ф. Геннрихе см. выше, сн. 7. Переписка Геннриха с Гандшиным (48 писем за 1925–1951 годы) хранится в архиве Гандшина (HN АЗ/10).

⁵² О Э. Йаммерсе см. выше, сн. 6. Переписка Йаммерса с Гандшиным (73 письма за 1931–1951 годы) хранится в архиве Гандшина (HN В 6/9).

652 (см. цитированное выше письмо от 10 февраля 1946 года), Генриху, Йеппесену, Уршпрунгу и др:

<...> [Эрик] Хертцман, который читает лекции в Университете Колумбии, как раз приехал в отпуск к родителям в Цюрих и навестил меня. <...> Хертцман сказал, что Хиндемит чувствует себя хорошо и о возвращении не думает. У [Курта] Сакса дела, вопреки ожиданиям, не столь хороши, как у некоторых, и у [Отто] Гомбози тоже <...> (письмо Йеппесену от 12 июля 1946 года).

<...> Что мне еще Вам сказать? [Эрнст] Курт умер, мне предложили заместить его, однако именно в ту зиму мне это не подошло <...>. То, что рассказал [Вилибальд] Гурлитт, очень печально, множество разрушений, коллеги без средств к существованию и т. д. О [Рудольфе фон] Фиккере он сказал, что тот не вернется в Мюнхен <...>⁵³.

Гандшин — среди ведущих медиаторов интернационального музыкознания этих лет. Здесь уместно еще немецкое слово «Vermittler» (от глагола «vermitteln» — «посредничать», «сообщать между собой», «оказывать содействие»), то есть тот, кто способствует контакту между самыми разными группами. В случае Гандшина это не только текущая историческая ситуация, но сама судьба. Ведь он занят этим всю жизнь: в России 1910-х годов он «сообщал» про Запад, затем на Западе — про Россию, внутри научного сообщества военных лет он так или иначе способствовал контакту между враждующими группировками, а сразу после войны — между немецко- и англоязычными научными школами [8]. В раннем послевоенном эпистолярии Гандшина упомянутый жанр быстрого информирования «всех обо всех» представлен столь масштабно, что ученого, кажется, можно заподозрить в склонности к «сплетням». (Он и сам осознавал эти своеобразные издержки роли Vermittler'a, и отшучивался: «ну, достаточно посплетничали...»⁵⁴.)

Другой важнейший жанр в эпистолярии этих дней, — информирование о необходимой помощи (далеко не только научной), оказание ее. Ученые спешно пересылают друг другу адреса, описания проблем и просьбы коллег (представителей всех сторон конфликта, всех групп научного сообщества), попавших в сложное положение. Для Гандшина подобная деятельность не нова, ведь он на собственном опыте (петроградских послереволюционных лет) знает трудности жизни в разоренной стране, умудрен в делах поддержки нуждающихся [7]. Ученый быстро включается в общую работу. Он высылает коллегам в Германию продукты питания (и получает от них в ответ проникновенные слова благодарности⁵⁵), «подкармливает» немецких студентов, приехавших к нему на лекции, призывает и других помогать:

Дорогой друг, твои хорошие новости порадовали меня. Сделай теперь пожертвование судьбе и отправь посылку с продовольствием старому Йоханнесу Вольфу. Адрес: Мюнхен-Зольн, Бухауэрштрассе, 2. Он не весит теперь и 100 фунтов

⁵³ Handschin — Ursprung, 16.10.1946. BNB, Ana 343.

⁵⁴ Handschin — Wellesz, November 1946. ÖNB WN, 2188.

⁵⁵ См., например: Jammers — Handschin 26.06.1946, 25.09.1946, 16.01.1947 (HN B 6/9), Gennrich — Handschin 01.01.1949 (HN A3/10).

(то есть менее 45 кг. — Ж. К.), но по-прежнему работает героически. Думаю, это только укрепит твое душевное благополучие <...>. P. S. Я знаю и другие адреса коллег в Г[ермании]!⁵⁶

Восстановление связей и помощь коллегам — главные темы послевоенной переписки. Они помогали преодолеть кризис, вели в будущее. Мы, однако, остановимся теперь, дабы еще раз оглянуться на корреспонденцию Гандшина собственно военного периода и не упустить еще один, сущностный для этого ученого лейтмотив. 15 сентября 1942 года Гандшин пишет Англесу:

Мы в Швейцарии должны благодарить Бога за то, что до сих пор могли работать почти беспрепятственно. Но как пойдут дела на моей первой родине? От этого зависит очень многое и не только для меня⁵⁷.

В приглушенно-напряженном звучании военного эпистолярия Гандшин хранит свою интонацию, а его картина мира сберегает неизменные для нее очертания. Даже в разгар военного кризиса ученый не утрачивает масштабного видения России на карте мира⁵⁸.

В письме от 29 декабря 1946 года Гандшин поздравляет Йеппесена с наступающим Новым годом:

<...> Мои наилучшие пожелания всего самого доброго в новом году. Думаю, не ошибусь, если предположу, что и Вы тоже говорите себе, что невозможно чувствовать себя счастливым, когда у соседей — скажем, между Рейном и Уралом — столько горя.

«Между Рейном и Уралом» — то пространство, в котором ученый продолжает жить, невзирая ни на что⁵⁹.

⁵⁶ Handschin — Moberg, 7.01.47. UUL SC, CAM.

⁵⁷ Handschin — Anglès, 15.09.1942. HN, BC.

⁵⁸ Обращу внимание читателя на еще один эпистолярный документ. В несохранившемся письме (предположительно 1944 года) Мобергу Гандшин спрашивает об издании, как он предполагает, в Швеции по-французски (на самом же деле, как отвечает Моберг, в Хельсинки и по-шведски, в 1942 и 1943 годах) работ украинского националиста Богдана Кетржинского (Moberg — Handschin, 27.01.1945; UUL SC, CAM). Казалось бы, — что Гандшину, швейцарцу, уже более двадцати лет как покинувшему Россию, до украинских националистов в Швеции и Финляндии? Однако, будучи убежденным государственным и неизменно храня (даже сберегая) всю жизнь взгляд москвича «по рождению» и петербуржца «по любви», ученый следил за продолжавшимся (и обострившимся в военный период) бурлением прежних окраин рухнувшей Российской империи, — его первой родины, от судьбы которой теперь, по его же словам, зависело столь многое.

⁵⁹ Гандшин не оставляет в военные годы деятельной поддержки русской музыки: он встречается в Ницце с композитором Ф. Акименко и передает ноты его произведений Э. Ансерме и П. Захеру, публикует статьи о русской музыке (в том числе, воспоминания о Язепе Витоле, ставшие воспоминаниями о петербургских годах молодости самого Гандшина [22, 825–832], а осенью 1943 года играет в Базельском кафедральном соборе концерт русской органной музыки [ibid, 157–158]). Анализ этого материала достоин отдельной публикации, и я надеюсь подготовить ее в недалеком будущем.

ЭПИЛОГ

Изучение эпистолярия исследователей-музыковедов военных лет дает представление о том, что во времена разломов и катаклизмов человеческие контакты не менее важны, чем научная информация. Поэтому уместным представляется введение понятия «контактное поле» (по аналогии с «информационным полем»). Принципиально важно сохранение этого пространства; Англес после войны сформулирует мысль следующим образом: «...Меж нами, оставшимися здесь, не должно быть никаких конфликтов. Нам нужно работать вместе. Иначе музыковедение в Европе медленно, но верно погибнет»⁶⁰.

Однако, имея в виду все пережитое, работать вместе, без конфликтов было трудно. После 1945 года следует ведь не только описанный выше эпистолярный «взрыв по всем направлениям». Наблюдается и, на первый взгляд, прямо противоположное явление: коллапс напряжения в профессиональных кругах. Конференция Директории 1948 и Конгресс IMS в Базеле 1949 годов (первые личные встречи музыковедов после войны) оказались наполнены враждебностью и скандалами [21, 333–336; 1, 376–379]. Затем последовал конгресс в Утрехте 1952 года. Ряд исследователей его проигнорировал, поскольку ученые еще чувствовали «наэлектризованность» атмосферы и не желали ни с кем объясняться. (Гандшин, поясняя свое отсутствие в Утрехте, писал: «в мои годы нужно беречь время и силы...»⁶¹). Следующий конгресс IMS собрался летом 1955 года в Оксфорде. На нем Пол Ланг (который в 1949 году, после встречи в Базеле, устроил громкий скандал с обвинениями коллег в пособничестве нацизму [8, 77–83]) стал президентом IMS. В этой роли он должен был отныне работать со всеми, в том числе и теми, кто отнюдь не импонировал ему ни своими убеждениями, ни пережитым в годы войны опытом. Постепенно (но лишь очень постепенно и со многими глубокими «отливами») в музыковедческих кругах начала проступать «оттепель»⁶².

Сегодня (когда военно-политическая турбулентность вновь охватила напряжением международное научное сообщество) наблюдение даже над столь ограниченным фрагментом эпистолярия музыковедов, какой представлен выше, имеет смысл: оно дает возможность понять, каким именно образом наши предшественники разрешили в свое время остро конфликтную ситуацию. Они сделали это посредством ряда осторожных шагов, сохраняя ровный контакт со *всеми*. При невозможности прямого общения этот контакт осуществлялся

⁶⁰ Anglès — Handschin, 22.02.1946. HN.

⁶¹ Handschin — Kinkeldey, 13.07.1952. Cornell University, Otto Kinkeldey papers, Box 3/83177.

⁶² Однако эпистемное поле (поскольку оно принципиально многовекторно) сохранило и иное. Когда в 2000-х — 2010-х годах я встретилась с последними представителями того, «старого» музыкознания — профессорами Рудольфом Штефаном (ему тогда было уже за 90 лет), Людвигом Финшером, Тильманом Зеебасом, — до меня долетели последние отголоски прогремевшей когда-то бури. Своими воспоминаниями, мыслями делились очень пожилые люди. В их суждениях резкость конфликтов ушла, враждебность угасла. Однако оказалось, что ничто не забыто. И (поразительным образом) личные позиции тоже не изменились. Их лишь овеял мягкий свет былого, улыбка воспоминания. Всё это привело к непростым размышлениям, например, Л. Финшера, который за свою долгую жизнь прошел «полный путь немца»: от гитлерюгенда — до философски настроенного крупного ученого Германии 2000-х годов, обдумывающего исторические судьбы своего отчества. (Аудио-запись бесед с профессорами Л. Финшером и Р. Штефаном хранится в личном архиве автора этих строк.)

через третьих (четвертых и т. д.) лиц. Работала эпистолярная, шире — эпистемная сеть («контактное поле» ученых), в «узлах» которой стояли исследователи, принявшие на себя роль медиаторов, такие как Англес, Гандшин, Йеппесен и др. — те, кто соединял («сообщал») конфликтующие области между собой. Терпеливо, не оставляя усилий и гибко способствуя взаимодействию всех со всеми, наши предшественники сохранили существование интернациональной науки, как актуально работавшей, не прервавшейся традиции. Вывод из сказанного предельно краток: сегодня, думается, стоит учесть этот опыт.

Использованная литература

1. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин и Международное музыковедческое общество. Несколько размышлений в связи с конгрессами 1920–1940-х годов // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 4 (декабрь 2023). С. 750–771. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.55.4.05>.
2. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин и первые послевоенные собрания Международного музыковедческого общества. По материалам переписки ученого // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 2 (июнь 2023). С. 366–385. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.
3. *Князева Ж. В.* Из истории одной исчезнувшей диссертации // Opera Musicologica. 2011. № 1 (7). С. 40–76. http://old.conservatory.ru/files/OM_07_Knyazeva_full.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
4. *Князева Ж. В.* К истории нескольких несостоявшихся защит в Базеле. Из переписки Жака Гандшина с Густавом Ризом, Карлом-Алланом Мобергом, Хайнрихом Бесселером // Научный вестник Московской консерватории. Том 9. Выпуск 2 (июнь 2018). С. 66–81. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.33.2.03>.
5. *Князева Ж. В.* Манфред Букофцер, Пауль Захер и базельский ординариат // Научный вестник Московской консерватории. Том 10. Выпуск 4 (декабрь 2019). С. 162–193. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
6. *Князева Ж. В.* Музыковеды о политике. Жак Гандшин и Ижини Англес: из писем 1930-х годов // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1: 1920-е — 1930-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2017. С. 59–83. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2013/10/Сборник_Князевой-Итор2.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
7. *Князева Ж. В.* Преображенский, Гандшин и помощь русским ученым в начале 1920-х годов // Opera Musicologica. 2013. № 4. С. 101–112. http://old.conservatory.ru/files/OM_18_Knyazeva_full.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
8. *Князева Ж. В.* Новые документы к истории европейско-американских диалогов послевоенного музыковедения. Лео Шраде, Жак Гандшин, Армен Карапетян // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 2: 1940-е — 1960-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2018. С. 41–86. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/06/Новые_документы2.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
9. *Князева Ж. В.* Новые документы к истории международного музыковедческого конгресса 1939 года в Нью-Йорке. Из переписки ученых // Научный вестник Московской консерватории. Том 9. Выпуск 3 (сентябрь 2018). С. 144–155. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.34.3.05>.

10. *Князева Ж.В.* Ученые о послевоенной реформе Международного музыковедческого общества // Научный Вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 3 (сентябрь 2023). С. 516–527. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.54.3.07>.
11. *Князева Ж.В., Молина Морено Ф.* По страницам западной корреспонденции Жака Гандшина: Ижини Англес // Временник Зубовского института. 2019. Вып. 1 (24). С. 39–61. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/05/Vremennik_2019_0124.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
12. *Майер Ф. М.* Различная критика функциональной гармонии: Роберт Лахман и Жак Гандшин // Временник Зубовского института. 2024. Вып. 2 (45). С. 23–38. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2024/07/Vremennik_2024_0245_c.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
13. *Майер Ф. М.* Эрнст Роберт Курциус, Жак Гандшин и их книги 1948 года // Новые документы по истории искусствознания. XX век. Вып. 2: 1940-е — 1960-е годы / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2018. С. 87–115. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/06/НОВЫЕ_ДОКУМЕНТЫ2.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
14. *Хольме Т.* Что же такое корреспонденция? Страницы эпистолярного наследия Кнуда Йеппесена / *Holme Th.* What is the correspondence actually? – the different pages of Knud Jeppesen // Новые документы по истории искусствознания. Вып. 3: Эпистолярные памятники в искусствознании: задачи и перспективы исследования / ред.-сост. Ж. В. Князева. СПб.: Петрополис, 2021. С. 21–61. https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2021/06/Novie_doc_istoria_Iskusstvovania_T3.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
15. *Finscher L.* Blume, Friedrich // MGG Online. 2000. <https://www.mgg-online.com/article?id=mgg01678>.
16. *Handschin J.* Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung. Basel: Buchdruckerei Friedrich Reinhardt, 1942. 112 S.
17. *Handschin J.* Der Toncharakter. Eine Einführung in die Tonpsychologie. Zürich: Atlantis, 1948. 436 S.
18. *Handschin J.* Musikgeschichte im Überblick. Luzern: Räber, 1948. 423 S.
19. Heinrich Bessler und Jacques Handschin. Briefe 1925 bis 1954. Kommentierte Ausgabe / hrsg. von J. Büchler, Th. Schipperges. München: edition text + kritik, 2023. XII, 382 S.
20. *Holme Hansen Th.* Knud Jeppesen // The History of the International Musicological Society (1927–2017) / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. P. 50–57.
21. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* «Wissenschaft in keimfreier Umgebung»? Musikforschung in Basel 1900–1960 // Musikwissenschaft – eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung / hrsg. von A. Gerhard. Stuttgart: J. B. Metzler. S. 321–346.
22. *Kniazeva J.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / hrsg. von M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel: Schwabe, 2011. 1045 S. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik. Bd. 1).
23. *Libin L.* Otto Gombosi's Correspondence at the University of Chicago // Historical Musicology: Sources, Methods, Interpretations / ed. by St. A. Crist, R. M. Marvin. University of Rochester Press, 2004. P. 388–413. (Eastman Studies in Music. Vol. 28).
24. *Phleps Th.* Ein stiller, verbissener und zäher Kampf um Stetigkeit – Musikwissenschaft in NS-Deutschland und ihre vergangenheitspolitische Bewältigung: Referate der Tagung Schloss Engers (8. bis 11. März 2000) // Musikforschung – Nationalsozialismus – Faschismus / hrsg. von I. v. Foerster, Chr. Hust und Chr.-H. Mahling. Mainz: Edition Are, 2001. S. 471–488.

25. *Potter P. M.* Blume, Friedrich // Grove Music Online. 2001. <https://doi.org/10.1093/gmo/9781561592630.article.03314>.
26. *Potter P. M.* Die deutsche der Künste. Musikwissenschaft und Gesellschaft von der Weimarer Republik bis zum Ende des Dritten Reichs. Stuttgart: Clett-Kotta, 2000. 415 S.
27. *Sieb R.* Der Zugriff der NSDAP auf die Musik. Zum Aufbau von Organisationsstrukturen für die Musikarbeit in den Gliederungen der Partei: Dissertation. Osnabrück: Universität Osnabrück, 2007. 213 S.
28. The History of the International Musicological Society (1927–2017) / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel: Bärenreiter, 2017. 167 p.
29. *Widmer U.* Reise an den Rand des Universums. Zürich, Diogenes, 2013. 346 S.

Получено: 24 сентября 2024 года

Принято к публикации: 22 октября 2024 года

Об авторе:

Жанна Викторовна Князева — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

References

1. Kniazeva, Jeanna V. 2023. “Jacques Handschin and the International Musicological Society. A Few Thoughts on the Congresses of the 1920s and 1940s.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 4 (December): 750–71. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.55.4.05>.
2. Kniazeva, Jeanna V. 2023. “Jacques Handschin and the First Post-War Meetings of the International Musicological Society. (Based on the Scholar’s Correspondence).” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 2 (June): 366–85. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.53.2.05>.
3. Kniazeva, Jeanna V. 2011. “Iz istorii odnoy ischeznuvshey dissertatsii [From the History of One Missing Dissertation].” *Opera Musicologica*, no. 1 (7), 40–76. (In Russian). http://old.conservatory.ru/files/OM_07_Knyazeva_full.pdf (accessed October 12, 2024).
4. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “Exams in Basel. Jacques Handschin’s Correspondence with Gustav Reese, Karl-Allan Moberg and Heinrich Bessler.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 9, no. 2 (June): 66–81. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.33.2.03>.
5. Kniazeva, Jeanna V. 2019. “Manfred Bukofzer, Paul Sacher and the Basel Ordinariat.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 10, no. 4 (December): 162–93. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2019.39.4.006>.
6. Kniazeva, Jeanna V. 2017. “Musicologists about the Politics: Jacques Handschin and Higiní Anglés, from the Correspondence of the 1930s.” In *New Documents on the History of Art History*, vol. 1: *1920s and 1930s*, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 59–83. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2013/10/Сборник_Князевой-Итог2.pdf (accessed October 12, 2024).
7. Kniazeva, Jeanna V. 2013. “Preobrazhenskiy, Gandshin i pomoshch’ russkim uchenym v nachale 1920-kh godov [Preobrazhensky, Gandschin and the Aid to Russian Scientists

- in the Early 1920s].” *Opera Musicologica*, no. 4 (18), 101–12. (In Russian). http://old.conservatory.ru/files/OM_18_Kniazeva_full.pdf (accessed October 12, 2024).
8. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “Novye dokumenty k istorii evropeysko-amerikanskikh dialogov poslevoennogo muzykovedeniya. Leo Shrade, Zhak Gandshin, Armen Karapetyan [New Documents on the History of European-American Dialogues of Post-War Musicology. Leo Schrade, Jacques Handschin, Armen Carapetyan].” In *Novye dokumenty po istorii iskusstvoznaniya: XX vek* [New Documents on the History of Art Criticism: The Twentieth Century], vol. 2, 41–86. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/06/НОВЫЕ_ДОКУМЕНТЫ2.pdf (accessed October 12, 2024).
  9. Kniazeva, Jeanna V. 2018. “The International Congress of Musicology in New York (1939). Documents from the Correspondence of Organizers and Scholars.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 9, no. 3 (September): 144–55. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2018.34.3.05>.
  10. Kniazeva, Jeanna V. 2023. “Scholars on Post-War Reform of the International Musicological Society.” *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 3 (September): 516–27. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.54.3.07>.
  11. Kniazeva, Jeanna V., and Francisco Molina Moreno. 2019. “Po stranitsam zapadnoy korrespondentsii Zhaka Gandshina: Izhini Angles [Through the Pages of the Western Correspondence of Jacques Handschin: Higinii Anglès].” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, no. 24, 39–61. (In Russian). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/05/Vremennik_2019_0124.pdf (accessed October 12, 2024).
  12. Maier, Franz Michael. 2024. “Different Approaches to Functional Harmony: Robert Lachmann und Jacques Handschin.” *Vremennik Zubovskogo Instituta*, issue 2 (45), 23–38. (In Russian). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2024/07/Vremennik_2024_0245_c.pdf (accessed October 12, 2024).
  13. Maier, Franz Michael. 2018. “Ernst Robert Kurtsius, Zhak Gandshin i ikh knigi 1948 goda [Ernst Robert Curtius, Jacques Handschin and Their Books, Published in 1948].” In *Novye dokumenty po istorii iskusstvoznaniya: XX vek* [New Documents on the History of Art Criticism: The Twentieth Century], vol. 2, 87–115. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2019/06/НОВЫЕ_ДОКУМЕНТЫ2.pdf (accessed October 12, 2024).
  14. Holme, Thomas. 2021. “What is a Correspondence, Actually? — The Different Pages of Knud Jeppesen. Thesis.” In *New Documents on the History of Art History*, vol. 3: *Epistolary Documents: Current Research and Perspectives*, compiled and edited by Jeanna V. Kniazeva, 21–61. St. Petersburg: Petropolis. (In Russian and English). https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2021/06/Novie_doc_Istoria_Iskusstvoznania_T3.pdf (accessed October 12, 2024).
  15. Finscher, Ludwig. 2000. “Blume, Friedrich.” *MGG Online*. <https://www.mgg-online.com/article?id=mgg01678>.
  16. Handschin, Jacques. 1942. *Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung*. Basel: Buchdruckerei Friedrich Reinhardt.
  17. Handschin, Jacques. 1948. *Der Toncharakter. Eine Einführung in die Tonpsychologie*. Zürich: Atlantis.
  18. Handschin, Jacques. 1948. *Musikgeschichte im Überblick*. Luzern: Räber.
  19. Böhler, Jörg, and Thomas Schipperges, eds. 2023. *Heinrich Besseler und Jacques Handschin. Briefe 1925 bis 1954*. München: edition text + kritik.

20. Holme Hansen, Thomas. 2017. “Knud Jeppesen.” In *The History of the International Musicological Society (1927–2017)*, edited by Dorothea Baumann, and Dinko Fabris, 50–57. Kassel: Bärenreiter.
21. Kirnbauer, Martin, and Heidy Zimmermann. 2000. “‘Wissenschaft in keimfreier Umgebung’? Musikforschung in Basel 1900–1960.” In *Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung*, edited by Anselm Gerhard, 321–46. Stuttgart: J. B. Metzler.
22. Kniazeva, Jeanna. 2011. *Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte*. Edited by Martin Kirnbauer and Ulrich Mosch. Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik 1. Basel: Schwabe.
23. Libin, Laurence. 2004. “Otto Gombosi’s Correspondence at the University of Chicago.” In *Historical Musicology: Sources, Methods, Interpretations*, edited by Stephen A. Crist, Roberta Montemorra Marvin, 388–413. Eastman Studies in Music 28. University of Rochester Press.
24. Phleps, Thomas. 2001. “Ein stiller, verbissener und zäher Kampf um Stetigkeit – Musikwissenschaft in NS-Deutschland und ihre vergangenheitspolitische Bewältigung.” In *Musikforschung – Nationalsozialismus – Faschismus. Referate der Tagung Schloss Engers (8. bis 11. März 2000)*, edited by Isolde von Foerster, Christoph Hust, and Christoph-Hellmut Mahling, 471–88. Mainz: Edition Are.
25. Potter, Pamela M. 2001. “Blume, Friedrich.” Grove Music Online. <https://doi.org/10.1093/gmo/9781561592630.article.03314>.
26. Potter, Pamela M. 2000. *Die deutscheste der Künste. Musikwissenschaft und Gesellschaft von der Weimarer Republik bis zum Ende des Dritten Reichs*. Stuttgart: Clett-Kotta.
27. Sieb, Rainer. 2007. “Der Zugriff der NSDAP auf die Musik. Zum Aufbau von Organisationsstrukturen für die Musikarbeit in den Gliederungen der Partei.” Ph.D. diss, Osnabrück University.
28. Baumann, Dorothea, and Dinko Fabris, eds. 2017. *The History of the International Musicological Society (1927–2017)*. Kassel: Bärenreiter.
29. Widmer, Urs. 2013. *Reise an den Rand des Universums*. Zürich: Diogenes.

Received: September 24, 2024

Accepted: October 22, 2024

Author’s information:

Jeanna V. Kniazeva — Doctor of Fine Arts, Senior Researcher at the Music Department, Russian Institute for the History of Arts